

с соблюдением законности, решают самостоятельно на основе законов, приказов, инструкций и указаний Генерального прокурора СССР. Местные органы не вправе вмешиваться в рассмотрение прокуратурой конкретных материалов о правонарушениях. При установлении нарушения закона прокурор не должен считаться с вмешательством местных органов, направленным на защиту правонарушителя или на необоснованное требование привлечения определенных лиц к ответственности. Подчеркивая независимость органов прокуратуры от местных органов, Закон о прокуратуре СССР установил, что возбуждение и расследование уголовных дел в отношении прокуроров и следователей прокуратуры является исключительной компетенцией прокуратуры и производится не иначе как с согласия органа, назначившего этих лиц на должность (ст. 47). Однако принцип независимости отнюдь не означает, что прокурор может игнорировать решения местных органов, действовать в отрыве от них. Вполне понятно, что независимость органов прокуратуры предполагает, как указывалось выше, взаимодействие местных органов и прокуратуры по обеспечению социалистической законности и охраны правопорядка.

Список литературы 1. Ленин. В. И. Полн. собр. соч., т. 41, 45. 2. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981.—223 с. 3. Добровольская Т. Н. Понятие и системы принципов организации и деятельности советской прокуратуры. — В кн.: Вопросы теории и практики прокурорского надзора, ч. 1. — М., 1975, с. 54—66. 4. Мурашин Г. А. Органы прокуратуры в механизме Советского государства. — Киев: Наук. думка, 1972.—178 с. 5. Рагинский М. Ю. Участие общественности в деятельности прокуратуры. — В кн.: Становление и развитие прокурорского надзора в СССР. Торжество ленинских идей. — М., 1976, с. 117—133. 6. Рекунков А. М. Закон о прокуратуре СССР. — М.: Знание, 1980.—64 с. 7. Теория государства и права. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.—532 с.

Поступила в редколлегия 15.05.81.

С. А. АЛЬПЕРТ, канд. юрид. наук
Харьков

О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЯХ ПРОКУРОРА В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Укрепление социалистической законности, постоянное совершенствование форм и методов борьбы с преступлениями являются важнейшими требованиями, предъявляемыми Коммунистической партией к правоохранительным органам Советского государства. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии товарищ Л. И. Брежнев указывал, что советский народ вправе требовать от правоохранительных органов максимально эффективной работы, «...чтобы каждое преступление должным образом расследовалось и виновные несли заслуженное наказание» [1, с. 88]. Упрочение социалистической законности представля-

ет собой одну из закономерностей Советского государства и права [2, с. 26; 13, с. 188]. Неуклонно возрастает социальная ценность советского права в решении задач коммунистического строительства. Всем этим определяется исключительная важность реального обеспечения строгого соблюдения законов, правоохраны как особого направления деятельности органов Советского государства.

Для правильного понимания существа правоохранительной деятельности того либо иного органа государства необходимо учитывать, что «задачи, стоящие перед государством, решаются в процессе осуществления всех видов государственной деятельности, но в различных правовых формах и разными методами, органически присущими каждому из этих видов» [5, с. 278]. В полной мере это относится и к органам правоохраны в уголовном судопроизводстве, ибо каждый из них осуществляет свою деятельность присущими лишь ему методами и средствами, с учетом того места, которое он занимает в системе органов Советского государства, конкретных задач, стоящих перед ним, и, наконец, условий, в которых, в соответствии с законом, протекает его деятельность.

Особый теоретический и практический интерес представляет вопрос о правоохранительной деятельности органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве и тех процессуальных функциях, посредством которых реализуются стоящие перед ними задачи.

Правоохранительная деятельность органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве, ее задачи и методы определены прежде всего Конституцией СССР и принятым в соответствии с нею Законом о прокуратуре СССР 1979 г., а также действующим уголовно-процессуальным законодательством. Правоохранительный характер деятельности прокуратуры отчетливо раскрыт уже в самой формулировке ее общих задач (ст. 2 Закона о прокуратуре СССР,) согласно которым она призвана охранять от всяких посягательств: закрепленный Конституцией СССР общественный строй СССР, его политическую и экономическую системы; социально-экономические, политические и личные права и свободы граждан, провозглашенные и гарантированные Конституцией СССР и советскими законами; права и законные интересы государственных предприятий, учреждений и организаций, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций.

Нельзя не обратить внимание на близость формулировок задач суда (ст. 3 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве в СССР) и указанных задач прокуратуры, чем еще раз подчеркивается, что и суд и прокуратура являются органами правоохраны. Вместе с тем, как справедливо отмечает Т. Н. Добровольская, «сфера правоохранительной деятельности прокурорского надзора намного шире

сферы, входящей в компетенцию органов правосудия» [5, с. 279]. Прокурорский надзор за законностью распространяется на самый широкий круг органов и лиц. Одной из важных составных его частей является надзор за исполнением законов в уголовном судопроизводстве, в том числе и при рассмотрении дел в судах.

В юридической литературе неоднократно отмечалось, что формы деятельности прокурора, объем его полномочий, процессуальное положение неодинаковы в различных стадиях, ибо различны условия стадий, а также конкретные задачи, которые перед ними стоят. Этим в значительной степени обусловлена сама постановка вопроса о процессуальных функциях, осуществляемых прокурором в уголовном судопроизводстве.

Наиболее распространенным является мнение, высказанное впервые М. С. Строговичем, что уголовно-процессуальные функции — это «отдельные виды, отдельные направления уголовно-процессуальной деятельности» [12, с. 188]. Его следует признать правильным в своей основе. Правда, М. С. Строгович, как и многие другие авторы, не объясняет, что нужно понимать под «направлением процессуальной деятельности». Представляется, что «направление» — это не отдельное действие, а их совокупность, «спаянная единством цели» [14, с. 84—85]. Видимо, более правильно, характеризуя процессуальные функции, говорить об *основных* направлениях, т. е. «таких, которые в своей совокупности и в наиболее концентрированной форме выражают сущность уголовного судопроизводства, способствуют реализации его задач» [3, с. 15]. Не случайно и в Законе о прокуратуре СССР говорится об «основных направлениях деятельности прокуратуры» в реализации возложенных на нее задач. К числу процессуальных функций, на наш взгляд, должны быть отнесены: 1) расследование уголовного дела; 2) надзор за точным исполнением законов (прокурорский надзор); 3) обвинение; 4) защита; 5) поддержание гражданского иска; 6) возражение против гражданского иска; 7) правосудие.

Со всей определенностью следует подчеркнуть, что виды уголовно-процессуальных функций, равно как и круг субъектов, их осуществляющих, либо прямо определены в законе, либо из него вытекают. Иными словами, «уголовно-процессуальная функция — это *объективная* категория, отраженная в действующем законе» [3, с. 13]. Именно поэтому ряд авторов справедливо указывает, что никакой свободы выбора функций закон никому не предоставляет, что, определяя процессуальное положение данного субъекта, процессуальная функция не зависит от его конкретной позиции, занимаемой по уголовному делу [8, с. 25; 11, с. 33].

Изложенное имеет существенное значение для выяснения процессуального положения прокурора и тех функций, которые он осуществляет в уголовном судопроизводстве.

Надзор за точным исполнением законов является основной (генеральной) функцией, которую прокурор осуществляет на всем протяжении уголовного процесса, во всех его стадиях. Из этого общего положения, однако, не следует, что в отдельных стадиях судопроизводства у прокурора не может быть и других процессуальных функций, которые в качестве своеобразной подсистемы входят в названную выше генеральную функцию — надзор за точным исполнением законов.

В целом представляется правильным взгляд, подразделяющий деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве на две отрасли: надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия и надзор за исполнением законов при рассмотрении дел в судах [9, с. 85]. Поэтому понятно внимание, которое уделяет ряд авторов исследованию вопроса о процессуальных функциях прокурора на предварительном расследовании и в стадиях судебных, особенно судебного разбирательства.

Продолжает оставаться дискуссионным вопрос о том, осуществляет ли прокурор функцию руководства органами предварительного расследования. Взгляд, согласно которому прокурор осуществляет не только надзор, но и руководство расследованием, имеет немало сторонников. Наиболее полно в последние годы он был выражен в работах А. М. Ларина [6, с. 56—57; 7, с. 75—82]. «Анализ закона, — пишет автор, — не обнаруживает никаких критериев, которые позволили бы отрицать, что прокурор осуществляет функцию руководства расследованием» [7, с. 78]. Отметив, далее, что «высший надзор за точным и единообразным исполнением закона — конституционная, государственно-правовая функция прокуратуры» [7, с. 80], А. М. Ларин делает вывод: «То, что на уровне государственно-правовых отношений представляет прокурорский надзор, на уголовно-процессуальном уровне в стадии предварительного следствия является процессуальным руководством» [7, с. 82].

Правильность такой позиции вызывает сомнения. Представляется прежде всего неверным выведение функции процессуального руководства следствием непосредственно из государственно-правовой функции надзора за точным исполнением закона. При такой конструкции автор фактически исключает из уголовного судопроизводства надзор за законностью как особую процессуальную функцию прокурора. По мысли А. М. Ларина, функции, осуществляемые прокурором в различных процессуальных стадиях, в том числе и на предварительном расследовании, представляют собой своеобразную трансформацию его конституционной, государственно-правовой функции, которая в результате преобразования не становится процессуальной функцией надзора за законностью. С этим, однако, согласиться нельзя. Из государственно-правовой функции надзора за законностью, осуществляемой прокурором в различных сферах госу-

дарственной и общественной жизни, вытекает *качественно однородная* функция прокурора и в уголовном судопроизводстве, которая не теряет ни одного из тех свойств, которые присущи названной государственно-правовой функции. Поэтому, на наш взгляд, можно и должно говорить о *процессуальной* функции надзора за точным и единообразным исполнением закона, осуществляемой прокурором.

Функцию процессуального руководства предварительным расследованием обычно усматривают в таких действиях и решениях прокурора, как принятие им соответствующих постановлений, дача указаний следователю и органу дознания, отмена незаконных и необоснованных постановлений и т. д. [7, с. 82]. Авторы, отстаивающие взгляд на процессуальное руководство как самостоятельную функцию прокурора на предварительном расследовании, вольно или невольно ограничивают содержание функции надзора за законностью, по сути сводят последнюю лишь к констатации тех либо иных нарушений закона, допущенных следователем или органом дознания. Между тем надзор за законностью органически включает в себя и меры по устранению нарушений закона. Такое понимание природы прокурорского надзора прямо вытекает из текста соответствующих правовых норм (ст. 20 Основ уголовного судопроизводства, ст. 29 Закона о прокуратуре СССР). Реализуя свои полномочия в уголовном судопроизводстве, прокурор осуществляет тем самым свою власть. «Специфическое содержание прокурорской функции, — справедливо подчеркивает М. Ю. Рагинский, — не меняет ее властного содержания... И в уголовном судопроизводстве полномочия прокуроров носят государственно-властный характер, а в досудебных стадиях процесса имеют не только властный, но и властно-распорядительный характер, поэтому прокурор имеет право на вмешательство в существо деятельности по производству дознания и предварительного следствия... а выявив нарушение закона, сам устраняет это нарушение» [9, с. 85].

Нельзя не отметить, что действующее законодательство, в том числе и новый Закон о прокуратуре СССР, нигде не упоминает о процессуальном руководстве прокурора предварительным расследованием. Если все же пользоваться этим понятием, то нужно иметь в виду следующее. Процессуальное руководство — это не нечто самостоятельное, лежащее вне сферы надзора за законностью. Оно осуществляется *в ходе* надзорной деятельности прокурора, *путем* осуществления им процессуальной функции надзора за точным и единообразным исполнением закона на предварительном расследовании. Действуя как орган власти, реализуя процессуальную функцию надзора за законностью, прокурор указывает органам расследования на допущенные ими отступления от закона, принимает меры к устранению этих нарушений либо подтверждает в предусмотренных случаях правильность принятых ими решений и тем самым направляет пред-

варительное расследование по пути, соответствующему требованиям закона, иначе говоря — таким и только таким путем «процессуально руководит» предварительным расследованием. Никаких иных форм процессуального руководства закон не знает. Изложенное позволяет сделать вывод, что нет достаточных оснований считать процессуальное руководство предварительным расследованием самостоятельной функцией прокурора.

По-разному в литературе решается и вопрос о характере процессуальных функций, осуществляемых прокурором в стадии судебного разбирательства. Одни авторы полагают, что прокурор в этой стадии действует как обвинитель, другие — что он выполняет здесь функцию надзора за точным и единообразным исполнением законов и никакой другой функции осуществлять не может и, наконец, третьи полагают, что прокурор является здесь и обвинителем, и органом надзора за законностью.

Аргументируя отрицательное отношение к взгляду на прокурора как на обвинителя в судебном разбирательстве, В. Г. Давев отмечает, что сведение роли прокурора к положению обвинителя делает «неразрешимым вопрос о возможности прокурора осуществлять надзор за соблюдением законности при рассмотрении судами уголовных дел, так как обвинитель не может одновременно обеспечить законные интересы обвиняемого». Отсюда вывод: «Сужение его деятельности рамками обвинительной функции приводит к отрицанию наличия прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве» [4, с. 68—69]. Аргументы эти представляются сомнительными. Прежде всего, нельзя не учитывать прямых указаний закона, что «прокурор поддерживает перед судом государственное обвинение» (ст. 40 Основ уголовного судопроизводства, ст. 32 Закона о прокуратуре СССР), что понятие «обвинитель» распространяется и на прокурора, поддерживающего в суде государственное обвинение (п. 9 ст. 32 УПК УССР). Неубедительными являются и другие доводы автора. Если речь идет о законных интересах обвиняемого, то никакого противопоставления их процессуальным интересам прокурора нет и быть не может. Прокурор — это *государственный* обвинитель, и он действует, руководствуясь государственными интересами, которые требуют от него принятия необходимых мер по охране законных интересов обвиняемого. Если же речь идет о незаконных интересах обвиняемого, то, разумеется, прокурор им противостоит.

Поддержание государственного обвинения прокурором — это одна из форм осуществления им надзорных функций в суде [12, с. 214]. Однако при всей важности государственного обвинения его поддержание в суде не исчерпывает всего многообразия прокурорской деятельности в данной стадии процесса. В частности, предъявление прокурором гражданского иска, а также поддержание им иска, заявленного гражданским истцом, нельзя рассматривать как проявление обвинительной

Функции прокурора, она не составляет обвинения в прямом и точном смысле этого слова. Здесь можно и нужно говорить о непосредственном осуществлении прокурором его надзорной функции в стадии судебного разбирательства. Поэтому нельзя отрицать, что надзор за законностью в стадии судебного разбирательства составляет отдельную процессуальную функцию прокурора.

Большинство советских процессуалистов справедливо подчеркивает тесную связь между государственным обвинением, поддерживаемым прокурором, и его деятельностью как органа надзора за законностью. Спор, однако, идет по вопросу о том, в каком соотношении находятся осуществляемые им функции обвинения и надзора за законностью. Интересные соображения высказаны В. М. Савицким, полагающим, что следует говорить о соподчиненности этих видов деятельности прокурора. Обвинение, отмечает В. М. Савицкий, возникает из конституционной функции надзора за исполнением законов непосредственно, а обязанность обеспечить законность в судебном разбирательстве всегда опосредствована функцией обвинения и потому может осуществляться лишь тогда, когда обвинение сформулировано и передано на разрешение суда. «Сведенные в один ряд рассматриваемые понятия могут быть представлены так: прокурорский надзор за точным исполнением законов — государственное обвинение — надзор за исполнением законов при рассмотрении дела в суде. Среднее звено этого ряда, т. е. государственное обвинение, служит обязательной предпосылкой, непременным условием возникновения у прокурора обязанности осуществлять надзор в судебном разбирательстве» [10, с. 60]. Представляется, однако, что, если пользоваться терминологией автора и «свести в один ряд» рассматриваемые понятия, то логичнее и правильнее представлять их так: прокурорский надзор за точным и единообразным исполнением законов (ст. 164 Конституции СССР) — прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве — поддержание государственного обвинения в суде. При такой схеме государственное обвинение выступает как одна из форм, разновидностей надзора за законностью, осуществляемого прокурором в уголовном судопроизводстве в целом и в судебном разбирательстве, в частности.

Конечно, вне обвинения, поддерживаемого прокурором, не осуществляется в суде и его надзорная функция. Но это связано не с тем, что поддержание обвинения, как полагает В. М. Савицкий, «опосредствует» надзор прокурора за законностью в суде. Объясняется это особым характером связи (точнее, взаимосвязи) между обвинением, поддерживаемым прокурором, и его надзорной деятельностью в суде. Ни государственное обвинение в суде, ни надзорная деятельность прокурора в этой стадии не могут осуществляться друг без друга. Представляется, что сама постановка в альтернативном порядке

вопроса, кем является прокурор в стадии судебного разбирательства — государственным обвинителем или органом надзора за законностью, — неправильна. Действуя как обвинитель, прокурор никогда не перестает быть органом надзора за законностью, ибо вне надзорных функций деятельность прокурора как государственного обвинителя не только не может возникнуть, но и вообще осуществляться. В этом главная особенность обвинения, осуществляемого прокурором.

Список литературы: 1. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981.—223 с. 2. *Алексеев С. С.* Социальная ценность права в советском обществе. — М.: Юрид. лит., 1971.—223 с. 3. *Альперт С. А.* Обвинение в советском уголовном процессе. — Харьков, 1974.—38 с. 4. *Давв В. Г.* Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве. — Правоведение, 1974, № 1, с. 64—73. 5. *Добровольская Т. Н.* Конституционные основы правосудия. — В кн.: Органы Советского общенародного государства. — М.: Наука, 1979, с. 277—302. 6. *Ларин А.* Прокурорский надзор и руководство расследованием. — Соц. законность, 1978, № 10, с. 56—57. 7. *Ларин А. М.* Функция процессуального руководства и прокурорский надзор в стадии предварительного следствия. — В кн.: Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. — Воронеж, 1979, с. 75—83. 8. *Мотовиловкер Я. О.* Основные уголовно-процессуальные функции. — Ярославль, 1976.—94 с. 9. *Рагинский М. Ю.* Прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве (новеллы по Закону о прокуратуре СССР). — В кн.: Проблемы организации и деятельности прокурорской системы в свете Закона о прокуратуре СССР. — М., 1980, с. 81—92. 10. *Савицкий В. М.* Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. — М.: Наука, 1975.—384 с. 11. *Савицкий В.* Прокурор и потерпевший в судебном разбирательстве. — Соц. законность, 1971, № 4, с. 32—37. 12. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса, т. 1: — М.: Наука, 1968.—470 с. 13. *Строгович М. С.* Основные вопросы советской социалистической законности. — М.: Наука, 1966.—252 с. 14. *Якуб М. Л.* О понятии процессуальной функции в советском судопроизводстве. — Правоведение, 1973, № 5, с. 83—89.

Поступила в редколлегию 25.05.81.

И. Е. МАРОЧКИН

Харьков

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В Отчетном докладе XXVI съезду КПСС Л. И. Брежнев отмечал, что слабо еще изучается общественное мнение [2, с. 78], а это несомненно свидетельствует о недостаточном использовании в практике правоохранительных органов этого действенного фактора в деле борьбы с преступностью.

Одна из основных тенденций развития уголовно-процессуального законодательства на современном этапе — расширение процессуальных и внепроцессуальных форм участия общественности в расследовании и разрешении уголовных дел, в профилактической деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда.